

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ЗАПРЕТ: ДОКТРИНА XXI ВЕКА

История свидетельствует, что уголовное право как “негативная конституция” государства с трудом и постепенно воспринимает те или иные изменения в господствующей доктрине. Однако, в случае их восприятия, последствия бывают губительными. Несоблюдение принципа постепенности и адекватности проведения правовых реформ приводило, к сожалению, к извращению самой идеи, к тотальному террору власти над народом. Так, революционные изменения, войны и катаклизмы, крушение режимов и изменение политической картины мира не могли не сказаться на состоянии существовавших в XX веке школ уголовного права. Однако неспособность индeterminистской классической уголовно-правовой идеологии обеспечить реальное сдерживание преступности в начале XX в. повлекла за собой распространение верований в силу внесудебных методов репрессии. Соответственно, увлечение идеями социальной защиты и принудительной изоляции потенциально опасных субъектов в начале XX века привело к массовым нарушениям прав человека в тоталитарных и репрессивных правовых системах. Отметим, справедливости ради, что впоследствии воплощение подобных идей в жизнь при наличии эффективной системы балансов и противовесов и защиты прав человека в конце XX в. приводило к существенному снижению общеуголовной преступности. Параллелизм и нетерпимость сменились конвергенцией и сосуществованием. При этом отчетливо наблюдается последовательное взаимопроникновение идей и идеологий, слияние направлений, взаимный обмен опытом и унификация права правового регулирования

Современные Уголовные кодексы, сохраняя черты догматической классической школы, переняли принципы теории обращения с правонарушителями (принудительные меры воспитательного и медицинского характера), идеи концепции опасного состояния (меры безопасности и меры социальной защиты), развивают последовательно виктимологическую идею о примате личной безопасности над безопасностью общественной. Осуществляя охранительные, предупредительные и воспитательные функции современное уголовное право содействует контролю и ограничению преступности, способствует упрочению системы общественной и личной безопасности в рамках неоклассической уголовно-правовой школы.

И все же сказанное есть лишь свидетельством того, что уголовное право включило в себя более широкий арсенал реакций на преступление, чем это предполагалось ранее. Между тем, выявленные тенденции не только не отражают, а точнее, скрывают существо проблемы определения преступного в современном мире.

Факт совершения и верификации деяния как преступления влечет за собой следующую совокупность реакций государства в рамках существующих уголовно-правовых отношений: привлечение виновного к уголовной ответственности, применение к нему мер безопасности, социальной защиты и мер компенсации. Всегда ли это является правомерным с точки зрения теории правового регулирования?

Известно, что право ставит своей задачей определение системы методов и приемов реагирования на деяния, состояния и, наконец, – отношения (А.Ильин). Не является ли в связи с этим уголовно-правовое регулирование социальных отношений сквозь призму определения только преступности деяний несколько неполным? Почему, например, даже лингвистические конструкции определения преступного разнятся между собой? Так, в английском языке слово *crime* обозначает как преступление как противонаправное деяние, так и преступность как особый социальный институт, противоречащий устоям развития общества. Между тем как слово *criminality*, в наших учебниках зачастую переводимое как “преступность”, на самом деле означает “криминальность” – свойство личности совершать уголовно-наказуемые деяния.

Возможно, сегодня нам вновь следует официально, на уровне уголовно-правовой доктрины вернуться к признанию того, что уголовное право изучает преступное деяние как волевой акт нарушения уголовного закона, преступное состояние как особое состояние личности, выражающееся в устойчивой анти-социальной деятельности, и, наконец, преступность как социальный институт, реализующийся в совокупности уголовно-правовых отношений, между государством, обществом, потерпевшими, преступниками и третьими лицами.

С этой точки зрения, уголовно-правовая охрана личности, общества и государства от преступности будет реализовываться в установлении того какие деяния признаются преступными, какие состояния субъектов преступления способствуют проявлению преступности деяний, какие наказания применяются к преступникам, какие меры безопасности, социальной защиты и компенсации определяются дополнительно к виновным, или иным лицам, находящемся в преступном состоянии.

Тем самым, с одной стороны, мы покончим с методологически порочной практикой затушевывания характера и сущности уголовной ответственности сквозь невозможность преодоления коллизий между традициями конституционализма и реальной карательной практикой. С другой стороны, это позволит решить проблему применения и реализации иных уголовно-правовых мер с точки зрения их оснований, предпосылок, форм и методов реализации, соотношения с наказанием. Наконец, это придаст более строгую и логичную форму правилам применения уголовно-правовых запретов.